

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Институциональный анализ и экономика России: Учебник / СПбГУ, экон. факультет; Ю.В. Крылова, Д.Е. Расков, И.М. Рисованный, В.Т. Рязанов, И.К. Смирнов, А.А. Шевелев; под ред. В.Т. Рязанова. – Москва: Экономика, 2012. – 495 с. (Учебники экономического факультета СПбГУ)

Институциональная сфера является таким направлением в экономической мысли, к разработкам которого обращается в настоящее время все больше ученых. Значимость названного подхода обусловлена многими причинами, и не в последнюю очередь – осознанием проблемы коррекции концептуального обоснования реформ с учетом их практических результатов. Соответственно, возникла потребность подготовки научных и практических работников, владеющих методологией, аналитическими методами и процедурами институционального анализа, умеющих интерпретировать экономические и управленческие задачи сквозь призму институтов, способных проводить конкретные исследования с применением соответствующих методов. Первостепенную роль в подготовке таких специалистов играют вузовские курсы теоретического и прикладного институционализма, которые, естественно, должны иметь адекватное методическое обеспечение.

В 2012 г. вышел в свет новый учебник, подготовленный авторским коллективом кафедры экономической теории экономического факультета СПбГУ и адресованный студентам, аспирантам и преподавателям экономических вузов. Как представляется, рецензируемое издание будет полезно при чтении разнообразных курсов, связанных с институциональной экономической теорией. Его материалы могут быть использованы и в стандартном курсе «Институциональная экономика», и в специальных курсах, посвященных применению институционального подхода к конкретному предметному полю — в данном случае к анализу особенностей экономического развития России. Вместе с тем учебник будет интересен широкому кругу специалистов в других областях гуманитарного знания, в частности историкам и социологам, которые могут найти для себя много содержательного и полезного материала.

По замыслу и воплощению учебник отличается от созданных ранее. Главный акцент в нем сделан не столько на изложении концепций и инструментов институционального анализа, хотя и эта цель в целом достигнута, сколько на выявлении и разъяснении основных особенностей, а также логики институциональных изменений в отечественной экономике. Поскольку, по мнению авторов, пореформенная экономика «во многом остается неизвестной», они ставят перед собой довольно масштабные цели: используя институциональный подход, идентифицировать национальную модель хозяйствования и ее «несущие конструкции» (С. 8-9), установить институциональные конкурентные преимущества страны (С. 234), «найти оптимальный путь построения эффективной и конкурентоспособной системы хозяйства» (С. 9).

В соответствии с принятой предметной логикой учебник делится на две большие части. Первая – «Основы теории институциональной экономики» – включает восемь глав и посвящена рассмотрению основополагающих понятий, инструментов и базисной проблематики современной институциональной теории. Здесь раскрываются разнообразные возможности институционального

подхода к анализу экономической реальности. При этом наряду с традиционным, ставшим уже хрестоматийным изложением представлена и новая аргументация, ранее не встречавшаяся.

Особого внимания заслуживают цифровые материалы, таблицы, графики и рисунки, многие из которых впервые вводятся в учебные материалы. В частности отметим таблицы, иллюстрирующие систему социального контроля (С. 19), классификацию трансакционных издержек (С. 40, 41), основные типы стейкхолдеров (С. 121), некоторые виды избирательных процедур (С. 178), сравнение управленческих структур (С. 127-128), а также рисунки, поясняющие структуру потребителей и поставщиков в открытой корпорации (С. 108), эволюцию моделей корпоративного управления (С. 110). Столь разнообразное представление содержательной информации облегчает восприятие и способствует ее лучшему усвоению.

Вместе с тем нужно отметить, что главы первой части несколько неравноценны с точки зрения глубины подачи материала. Некоторые из них хороши для вводных курсов по институциональной тематике, но едва ли подойдут для преподавания на уровне аспирантуры. Кроме того, изложение одного и того же вопроса в ряде случаев разнесено по разным главам, что не всегда оправданно, так как не позволяет охватить проблему в ее целостности, а иногда приводит к повторам. Например, канонические уже одиннадцать правомочий «пучка прав собственности» по А. Оноре приводятся и в гл. 1 «Институциональная экономическая теория: основные понятия и направления» (С. 22), и в гл. 3 «Теория прав собственности» (С. 59-60). «Теорема Коуза» рассматривается в гл. 2 «Трансакционные издержки» (С. 53-34) и в гл. 3 (С. 63-66). Аналогична ситуация со специфичностью активов и ее типами (С. 44, 96-97). О сущности же и основных проявлениях оппортунистического поведения трактуется в трех главах (С. 21, 43, 94-95). На наш взгляд, в случае последующих изданий авторам нужно подумать над тем, как избежать снять этот недочет.

Практические приложения институциональной экономической теории применительно к отечественной экономике в исторической ретроспективе раскрываются в восьми главах второй части – «Институциональный анализ экономики России», где прослеживаются генезис, становление и эволюция институтов. Здесь авторы следуют методологическому принципу, сформулированному В. Ойкенем. «Ученый-экономист...», – писал Ойкен, – усматривает в повседневной хозяйственной практике лишь часть неповторимой исторической ситуации... Но он справедливо рассматривает ее еще и как общетеоретическую проблему – иначе реальность в ее взаимосвязях просто ускользнула бы от его взора». С этой позиции, соединяющей историческое наблюдение и теоретический анализ, освещаются вопросы соотношения реформ и контрреформ в российской экономической истории, формирования и особенностей системы прав собственности, выявления специфики общины, крестьянского хозяйства. Заслуживает внимания глава, посвященная институциональному объяснению динамики старообрядческого предпринимательства. Новое объяснение получают также развитие советской экономики и становление рыночных отношений в постсоветский период.

Главы, посвященные институциональному анализу экономической действительности, во многом основаны на авторских разработках (С. 239-240) и редких материалах. Например, в учебнике выдвигается новая концепция (этноэкономики), которая находится в стадии становления и пока не получила широкого распространения ни в отечественной, ни в западной литературе (С. 233-234). Ее субъектом – в отличие от *homo economicus*, *homo sociologicus* и др. – становится *homo nationis*, человек национальный, с присущими ему специфическими качествами и традициями хозяйственного поведения. Авторы полагают, что такой подход позволит объяснить взаимосвязь традиций, обычаев, культуры, психологии и религиозных воззрений различных этносов с характером и уровнем экономического развития.

Как представляется, многие положения, которые выдвигаются в этом раз-

деле, носят дискуссионный характер, поэтому далее сосредоточимся на обсуждении некоторых из них. Прежде всего, это касается самой концепции национальной модели хозяйствования². По мнению авторов, базовая институциональная матрица сформировалась к началу XVIII в. При этом по сравнению с Западной Европой «в России складывался кардинально иной хозяйственный строй с постоянно воспроизводимыми двумя важнейшими институтами (центрами): государством как доминирующей силой в стране и общинным устройством хозяйства как социальным амортизатором» (С. 285). В числе базовых установок (believes в терминологии Д. Норта), которые определяли уникальность национального хозяйства России, постулируются соборность, коллективизм, общинность, нестяжательство, приверженность изначальным христианским ценностям (С. 247, 248, 429)³.

Данная позиция была четко сформулирована еще в 1998 г. в монографии одного из авторов обсуждаемого учебника и его редактора – В.Т. Рязанова. Среди основных цивилизационных истоков российского экономического строя он называет «особую склонность к совместным коллективным действиям в хозяйственной сфере», а широкое распространение «общинных (артельных) форм хозяйствования» объясняет их наибольшей приспособленностью к специфике экономического развития страны и «соответствием поведенческим характеристикам большинства населения» (курсив наш – Н.Д.)⁴.

Подобные идеи высказывались и в других отечественных работах. Так, в аналитическом докладе Института экономики РАН утверждалось, что в России «веками вырабатывалась особая биоритмика, этика и дисциплина труда, основанные на взаимопомощи, общинности, артельности, способности идти на жертвы во имя общих целей. Для русского характера традиционно чужд буржуазный индивидуализм как строй чувств. В традициях русского менталитета центральное место занимает соборность»⁵. Некоторые исследователи даже возвращаются к идее Н.Я. Данилевского о всеславянском союзе в рамках «второй Европы» как особого типа цивилизации, ментальность которой характеризуют мирская аскеза, преобладание ценностных ориентаций над целевыми, органичная коллективность⁶.

Подобную точку зрения не отвергают представители иных доктринальных направлений. Так, Е. Ясин к традиционным ценностям, относит коллективизм и артельность, которая трактуется им как специфический вариант коллективизма. Е. Ясин считает, что, «несмотря на теневые стороны, стремление к совместной работе (кооперативность, артельность), труд в удовольствие, размах, нестандартность и оригинальность содержат большой продуктивный потенциал» и «может быть, могли бы стать основой нашего чуда»⁷. Р.М. Нуреев также полагает, что для российской экономической ментальности характерны общинность, абсолютизация моральных ценностей в противовес материальным, склонность к смирению и покорности, традиционный коллективизм, который усиливался конфессиональными особенностями православия. Правда, в отличие от других исследователей Р.М. Нуреев считает, что общинные институты и коллективистские ценности не были укоренены в сознании российского человека изначально. Национальная ментальность, по его мнению, есть результат многовековой традиции государственного деспотизма: государство насаждало общинные институты, а те, в свою очередь, продуцировали коллективизм. И только со временем якобы эти черты стали главным элементом механизма, воспроизводящего зависимость от траектории предшествующего развития⁸.

Центральный тезис об институциональном своеобразии экономики каждой страны, национальных различиях, вытекающих из культурных традиций, возражений не вызывает. Вместе с тем положение о культурной предопределенности траектории институционального развития далеко не бесспорно.

Например, долгое время в научных кругах превалировало мнение о культурной уникальности японской организационной практики с ее ориентацией на малые группы, групповые методы принятия решений, особое отношение к работе, патерналистские отношения между фирмой и работниками. Как утвер-

ждал в конце 1950-х гг. известный социолог Дж. Абеглен, используя современные технологии и сохраняя исторические привычки и традиции японского народа, «японская система развивается полностью на собственной основе»⁹. Однако позднее культурологический детерминизм оспаривался многими авторами. Было показано, что в большинстве случаев японская практика организации работы в крупных фирмах хотя и несет на себе отпечаток культурных традиций, но имеет в то же время аспекты рациональности и универсальности. В частности, важна не ориентация на малые группы сама по себе, а развитие интеллектуальных навыков рабочего, его способностей реагировать на изменения в трудовых заданиях и осваивать новые технологии¹⁰.

Трудно согласиться и с утверждением о том, что к базовым ценностям, определявшим уникальность национального хозяйства России, относятся соборность, коллективизм, общинность и нестяжательство. Формат данной рецензии не позволяет развернуть подробную аргументацию, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами и краткими комментариями.

Многочисленные исторические факты свидетельствуют, что русскому человеку была отнюдь не чужда экономическая рациональность и стремление к получению прибыли. Как известно, в дискуссии о монастырском землевладении, развернувшейся в конце XV – начале XVI в., победу одержали стяжатели (иосифляне), и Церковный собор 1503 г. утвердил неприкосновенность и неотчуждаемость монастырских владений, провозгласив: «...Стяжания церковная – Божия суть стяжания, возложена и нареченна и данна Богу, и не продаема, ни отдаема, ни емлема никим никогда ж в веки века»¹¹. Известный исследователь российской дореволюционной биржи П.В. Лизунов пишет, что во второй половине XIX в., когда стала расти доходность акционерных обществ, широкая «публика» охотно покупала дивидендные бумаги, надеясь на скорое увеличение своих сбережений. «Тысячи лиц сделались акционерами совершенно им неизвестных предприятий, все сведения о которых ограничивались лишь слухами из десятых рук о предстоящем повышении их биржевых ценностей. ... Около биржи, банков и банкирских контор “появились совершенно дотоле неизвестные лица: дамы, чиновники, генералы, офицеры, кабатчики, гробовщики, просто люди без определенных занятий”». Страсть к биржевым операциям проявилась даже в деревне»¹². Наверное, стоит прислушаться к мнению А.В. Чаянова, который подчеркивал глубоко непонимание сути дела теми, кто называл его теорию теорией *потребительского* характера крестьянского хозяйства и противопоставлял ее приобретательскому пониманию хозяйства. «Всякое хозяйство, – писал он, – и, в том числе крестьянское, является приобретательским хозяйством, предприятием, стремящимся к максимуму дохода»¹³.

Что касается общины, то еще М.М. Ковалевский показал, что община – это всемирно-историческое явление¹⁴. Она существовала практически во всех странах. Общинная собственность сохранилась по сей день, причем даже в наиболее развитых странах, например на высокогорные луга в швейцарских, австрийских и баварских Альпах. Известный специалист в области экономической теории прав собственности, лауреат Нобелевской премии Э. Остром пишет, что «целые поколения швейцарских и японских крестьян изучили сравнительные выгоды и издержки институтов частной и коллективной собственности на различные типы земли и пользования этой землей. Крестьяне обеих стран сделали выбор в пользу сохранения института общинной собственности как основы для землепользования и других столь же важных аспектов деревенской экономики»¹⁵. Очень интересный пример общинных отношений на Филиппинах приводится и в самом учебнике (С. 214-215).

На наш взгляд, устойчивость российской уравнилельно-передельной крестьянской общины как метода ведения хозяйства – это не столько результат коллективистской ментальности крестьян, сколько экономическая необходимость. Во-первых, существование общины обеспечивало фискальные потребности государства и минимизировало его затраты на сбор налогов и охрану прав собственности членов общины. Во-вторых, община способствовала ми-

нимизации транзакционных издержек при наделении своих членов правами собственности на земельные наделы и охране этих прав. В-третьих, в России в силу неблагоприятных климатических условий особое значение имела «система открытых полей» как метод страхования урожая.

Из авторской трактовки базовых ценностей россиян вытекает и объяснение ими циклов экономических реформ, т.е. чередование преобразований рыночной направленности, создающих благоприятные предпосылки для развития свободного и независимого предпринимательства, с попятным движением. Утверждается, что «игнорирование культурно-национальных традиций и инерционности в действии сложившихся типов массового экономического поведения – одно из самых уязвимых мест реформ в России». Следовательно, причина контрреформ заключается в несопряженности преобразовательной деятельности в направлении капитализма с базовой институциональной матрицей, а контрреформы – это «механизм самозащиты общественно-экономической системы на вводимые в нее чужеродные элементы» (С. 253, 259).

Однако, как свидетельствует российская история, люди достаточно гибко и масштабно реагировали на предоставляемые им возможности хозяйствовать с использованием рыночных методов. Шведский торговый представитель в Москве И. Де Родес в 1653 г. писал: «Достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торг, в чем удостоверяет ежедневный опыт, потому что все здесь, от высшего до низшего, только и думают, только и стараются, как бы чем-нибудь нажиться. В этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных вместе взятых»¹⁶. Либеральный курс экономической политики Екатерины II, когда всем и каждому разрешалось «заводить всякого рода станы и рукоделия производить» вкуче с законами, защищавшими права собственности, стимулировал экономическую активность и способствовал экономическому росту. Оценки числа фабрик и заводов в XVIII в. противоречивы, но общий и весьма значительный рост во второй половине XVIII в. является несомненным. По известным данным, приводимым М.И. Туган-Барановским, число заводов и фабрик, не превышавшее к началу царствования Екатерины 984 (не считая горных), в конце царствования достигает 3 161¹⁷.

Как отмечалось, одной из целей, намеченных авторами учебника, было «найти оптимальный путь построения эффективной и конкурентоспособной системы хозяйства» (С. 9). К сожалению, по прочтении учебника остается не совсем понятно, что же должна представлять собой российская «национальная рыночная модель». Какие конкретно условия, институты и механизмы их защиты необходимо сформировать, чтобы она была эффективной? Какова должна быть роль базовых ценностей в этой модели? Каковы институциональные конкурентные преимущества? Рекомендации авторов, которые они дают в заключительном параграфе последней главы, носят самый общий характер, за исключением, пожалуй, предложения возродить институт народнохозяйственного планирования. В целом с ними трудно не согласиться. Но, естественно, задача моделирования институциональной структуры экономики выходит далеко за рамки собственно учебника.

Н. Дроздова,
канд. экон. наук, доцент,
Высшая школа менеджмента
Санкт-Петербургского
государственного университета

¹ Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика. 1996. С. 34.

² Заметим, что наряду с термином «национальная модель хозяйствования» авторы используют множество других: «национальная экономическая модель», «национальная хозяй-

ственная система», «хозяйственное устройство», «экономическое устройство», «способ хозяйственной деятельности», «система хозяйствования», «хозяйственный строй», «хозяйственный порядок», «форма хозяйствования». Поскольку четкого определения этих терминов в учебнике не приводится, допустимо предположить, что их позволительно трактовать как синонимы.

³ Хотя в главе 14 дается более взвешенная характеристика ментальности современных россиян и говорится о необходимости более осторожного подхода к таким традиционным качествам, как склонность к коллективизму (С. 434), все-таки сделан общий вывод об устойчивости базовых ценностей (С. 435).

⁴ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб., 1998. С. 330, 344.

⁵ Стратегия реформирования экономики России (аналитический доклад Института экономики РАН) // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 18.

⁶ Федотова В.Г. Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 21-34.

⁷ Ясин Е. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 18, 23.

⁸ Нуреев Р. М. Россия: особенности институционального развития. – Москва: Норма. 2009. С. 64-67.

⁹ Abegglen J. The Japanese Factory. Glencoe, IL.: Free Press. 1958. P. 130.

¹⁰ О соотношении национальной культуры и экономической рациональности и особенностях японского опыта подробнее см.: Аоки М. Фирма в японской экономике: информация, стимулирование и заключение сделок в японской экономике. – СПб.: Лениздат. 1995. Гл. 7.

¹¹ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. – Одесса: тип. Ульриха и Шульце. 1871. С. 47.

¹² Лизунов П. В. Российское общество и биржа во второй половине XIX в. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. – М., 2005. С. 183, 184.

¹³ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. – М.: Центр. т-во «Кооперативное издательство». 1925. С. 80.

¹⁴ Ковалевский М. Исторический переход от общинной собственности к индивидуальной // Ковалевский М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. Приложение. СПб., 1899; Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. – М., 1879.

¹⁵ Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. P. 61, 63.

¹⁶ Де Родес. Размышления о русской торговле в 1653 г. // Магазин землевладения и путешествий. – М., 1858. Т. V. С. 234.

¹⁷ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. – М.: Наука. 1997. С. 112.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. Губанов (главный редактор),

Р. А. Кучуков, В. И. Кушлин, Д. Ю. Миропольский, Б. П. Плышевский,
В. Т. Рязанов, А. З. Селезнев, А. Т. Спицын, В. А. Цветков

Учредители: Министерство экономического развития РФ;
редакция журнала «Экономист»

Свидетельство о регистрации № 01351 от 7 июля 1992 г.

Подписано в печать 31.10.2012 г. Бумага офсетная № 1 Цена свободная Формат 70×108_{1/16}

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,68. Уч.-изд. л. 9,85.

Тираж 2500 экз. Заказ № 1629.

Адрес редакции: 125993, Москва, ул. Правды, д. 24/стр. 4,
тел.: 8-499-257-08-84

Отпечатано в ППП Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6